

Валерий Вradий: Я совершил огромный грех

ПОСЛЕДНИЕ два-три года я стал как-то неправильно жить. На те деньги, которые получал за картины — вместо того, чтобы на них краски покупать, покупал всякую дрянь. Машины, например, менял, а это все ерунда. Надо — холст, побольше набрать еды, и работать. Вот такой грех: художник должен заниматься только своим делом. И все.

Пастелей в мастерской находилось около 800. Причем я считал только портреты — самых разных людей. Факел тут стоял, когда я приехал. Рояль сгорел без остатка. И не поверишь, живописные полотна — около 400 — они все сгорели, а несколько пастелей уцелело. Как?.. Почему?.. Например, сохранился мой любимый — портрет Софи Ренуар, правнучки Огюста Ренуара. Не продавал его столько лет. Он лежал у меня в железном ящике. Часть ящиков полностью расплавилась, выгорела, а этот почему-то сохранился, и в нем два пакета с пастелями.

Сверху спасшихся пастелей лежали десять блоков сигарет. Они приняли на себя первый удар. Но ведь это невозможно? Я запасаюсь ими, чтобы никуда в магазин не ходить, не отвлекаться, когда работал. И именно они не сгорели.

В день пожара как раз написал две работы. Так они сгорели. Одна, мне казалось, в тот день удалась — небо такое... Решил показать Маше, жене, и я поехал за ней. Думал, что мы приедем, посмотрим. Но домой позвонили, что пожар. Кинулся, через пять минут уже был здесь.

Я когда-то писал рассказы, и они теперь тоже сгорели. Работал раньше до 5-6 утра, а потом спать не хотелось — скорее ждал утра, посмотреть при дневном свете, что получилось. Поэтому писал рассказы. Наверное, теперь опять начну. Это не будут просто пузатые воспоминания. Просто надо разбираться, обдумать то время — 70-80-е, когда мы жили. И куда пришли теперь.

Если честно говорить, сейчас мне ничего не жалко. Картины ведь у меня здесь все равно, в голове. Я обычно долго думаю, думаю, а потом сразу могу сделать серию. Быстро и легко. Но когда идет тяжело и плохо, и меня заставляют все — давай, вставай и работай, считают, что я лентяй, — то не могу.

Наркотиками не пользуюсь — мне достаточно этого наркотика: запаха красок. С тех пор как впервые попал в мастерскую художника. Во Львове это было, и был я в армии тогда.

Художник дал мне краски и разрешил сделать портрет. Я и сделал. Он посмотрел и сказал, что этого не может быть — «вы рисовали, у вас есть школа». Художник стал со мной заниматься, и через три месяца я поступил во Львовский художественный институт. Три года мимо этого института ходил, не замечал — а он

11 апреля сгорела дотла мастерская известного московского художника Валерия Вradия. Располагалась она в самом центре столицы, рядом с Третьяковской галереей. Накануне персональной выставки в Центральном доме художника погибли сотни работ — плод его 30-летней жизни в искусстве. Наш разговор шел на пепелище.

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

был рядом с железнодорожным техникумом, где я учился на машиниста тепловоза после 10 класса.

И вот мне 25 лет, 1967 год, в день рождения я принимаю решение ехать в Москву. Собрал чемодан, взял этюдник, попрощался с женой, выписался из Львова, чтобы больше не возвращаться. Сел в поезд. Приехал. С огромным трудом, скрывая, что я окончил техникум, что учился в институте, попал работать в воензированной охрану стрелком — не брали туда с образованием, — охранять Восточную водопроводную станцию за кольцевой дорогой. Там три года отдубасил за временную прописку.

Пошел в Суриковский институт — не взяли. В Строгановку — взяли, но быстро отчислили. Учился в полиграфическом. Тут вступил в Молодежный союз художников, и мне уже было ничего не надо. Стал писать все время, так начались самые голодные годы. Буханка хлеба и зеленый чай на день — и все. Только зеленый чай и спас. Потом получил постоянную прописку, но жить было негде. Снимал комнаты, в 17 районах Москвы жил. Ездил по стране. Писал, писал и писал...

И вот наступили нынешние времена. Появились деньги. И нарыв какой-то получился... Постепенно пришло время, когда должно было все взорваться — мне надо было делать что-то другое. Ведь я уже стал понимать, что я — профессионал, всем это будет нравиться. И я буду неплохо жить, потому что уже научился угадывать... Это все мой хохол (из Львова я родом), который сидит во мне, такой приспособленный к жизни, прошедший армию и все остальное, и он опережает меня, говорит: надо на бензин, на то на се — на все надо в жизни. Меня это пугало. В последнее время даже людей многих отсюда из мастерской выпроводил, вычистил, все вымел — приготовил для пожара. Вот теперь думаю — пусть сгорело. Когда человек рождается, он всегда голенький...

Наверное, так надо было... Правда, получилось довольно болезненно, но, надеюсь, правильно, если сил хватит. Вообще я только во времена опасности и становлюсь собранным. Если нет опасности, порчусь, как собака, которую кормят со стола.

Грешить ни на кого не могу. Если у кого случилось такое в жизни, что подпалил — само проявится. Если нет — не проявится. Ну, найду я этого человека, но ведь я все равно не верну своего. Несчастное это существо, кто сделал пожар, пусть Бог его карает. А пожар — это пример, как можно переворачивать пространство, и оно будет по-разному смотреться. Приятели на неделю взяли у нас печатную машинку и не отдавали два месяца. Так вот теперь она и цела, можно рассказы писать.

Записала Анна ПОЛИТКОВСКАЯ